

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. ПРИОРОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ПРИОРОВЕ¹

Т.И. Черкасова

Николай Николаевич Приоров — академик, доктор медицинских наук, профессор, мудрый, гуманный и дальновидный человек, был талантливым хирургом-травматологом и блестящим организатором здравоохранения.

В 1943 г., во время Великой Отечественной войны, судьба предоставила мне — молодому врачу, хирургу с небольшим еще опытом работы на селе и полутора годами работы в госпиталях возможность быть зачисленной в штат возглавляемого Н.Н. Приоровым института в Теплом переулке.

Чем больше проходит лет со дня кончины Н.Н. Приорова и его время становится достоянием истории, тем ярче высвечивается его личность и возрастает его роль в становлении и успехах медицины ушедшего XX века — века кровавых войн и травматических эпидемий. Если вспомнить, что только Россия и только в войну 1941–1945 гг. потеряла убитыми более 24 миллионов, а раненых (по законам статистики) бывает в три раза больше, т.е. 75 миллионов человек, то проблема лечения военной травмы и ее последствий, проблема возвращения солдат в строй была в прошедшем столетии проблемой мирового значения. С разрешением этой проблемы для России и связано имя Николая Николаевича Приорова.

В 1921 г. для Москвы с особой остротой встал вопрос о помощи инвалидам войны, которыми страна в то время была переполнена. Правительство приняло решение о создании специализированного медицинского учреждения с протезными мастерскими при нем. Хирург Н.Н. Приоров был назначен его директором. В 1922 г. к нему присоединился другой хирург, десятки лет проработавший в земстве, уже прошедший три войны, демобилизованный из военного госпиталя в Красноярске — Александр Эдуардович Рауэр.

Организация и становление института проходили в самое тяжелое время. После поражения в первой мировой войне Россия лежала в руинах. Разруху, голод и холод принесли гражданская война и революция 1917 г.

Предоставленное Н.Н. Приорову здание бывшего общежития ткацкой фабрики в Теплом переулке (дом 16) было совершенно не приспособлено для операционной работы и лечения раненых. Тем не менее поразительно быстро была организована работа в нем. Появилась вскоре и аббревиатура — МОИТОП — Московский областной институт травматологии, ортопедии и протезирования.



В стенах МОИТОП впервые в СССР открылось отделение челюстно-лицевой хирургии А.Э. Рауэра, которому удалось еще в прифронтовых госпиталях первой мировой войны начать разработку системы оказания помощи раненым в лицо, применять в этой системе оперативные методы восстановительной хирургии, а по существу выделить в самостоятельную дисциплину пластическую хирургию лица. Н.Н. Приоров высоко ценил А.Э. Рауэра как врача, соратника и хирурга и всячески способствовал расширению его отделения. В 1941–1942 гг. челюстно-лицевое отделение принимало до 600 раненых. Враг стоял у границ Москвы.

Н.Н. Приоров был генератором множества идей, для воплощения которых в жизнь потребовалось МОИТОП преобразовать, расширив как его практическую деятельность, так и научные разработки по многим проблемам травматологии и ортопедии. Нельзя было ограничиваться только базой в Москве. Открылись институты в ряде крупных городов Советского Союза. Институт в Москве стал называться Центральным институтом травматологии и ортопедии — ЦИТО. Большинство институтов Н.Н. Приорову удалось открыть еще в период Великой Отечественной войны или в первые годы после нее, что диктовалось потребностями времени.

На XXV юбилейном съезде хирургов — первом после окончания войны (Н.Н. Приоров был председателем оргкомитета этого съезда) подводились итоги: успехи, достижения, ошибки медиков при оказании помощи раненым — начиная с поля боя, прифронтовой полосы, ближайшего тыла, т.е. на всех этапах эвакуаций, и кончая глубоким тылом. Подводил свои итоги и ЦИТО: в разные периоды войны он оказывался то в прифронтовой полосе (1941 г., осадное положение и оборона Москвы), то в ближнем тылу, то в глубоком. В соответствии с этим и шла его работа: на определенном этапе Н.Н. Прио-

¹Перепечатано (с некоторыми сокращениями) из книги «Воспоминания о Н.Н. Приорове» (под ред. З.С. Мироновой. — М., 2001).

ров стал уделять все больше внимания научному подходу к разрешению насущных проблем травматологии уже не только военной, но, по мере удаления линии фронта от столицы, и мирного времени.

В ЦИТО снова, как до войны, стала по «скорой» поступать уличная и бытовая травма. Вновь открылись ортопедические отделения, новое отделение костной патологии, статических деформаций стопы, болезней суставов и позвоночника и т.д. Постепенно Н.Н. Приоров стал добавлять к числу обычных, рутинных для каждого лечебного учреждения лабораторий новые и существенно расширять возможности старых. В это время он приглашает на работу в институт новых сотрудников, но не только травматологов, а представителей разных областей знаний: биохимиков, биофизиков, морфологов, патофизиологов и биологов, психологов, трудотерапевтов, инженеров-электронщиков. В институте развертываются экспериментальные исследования, создается виварий.

Помимо приглашенных «со стороны» ученых (иногда только «по совместительству»), Н.Н. Приоров одновременно из своих учеников травматологов-ортопедов создает собственные кадры для научно-исследовательской работы, «переучивая» их в специалистов другого профиля, нужного ЦИТО в данный отрезок времени и на перспективу его дальнейшего развития. Подобная тактика принесла хорошие плоды и клиницистам — практическим врачам, и «теоретикам», их обслуживающим. Те и другие обрели общий язык, облегчающий взаимопонимание при обсуждении научных и диагностических проблем.

Одной из характерных черт Н.Н. Приорова, которая проявлялась постоянно, было его стремление ознакомить свой коллектив с каждым, полезным для практического врача и научного сотрудника-травматолога, достижением в области других наук, а ознакомив — приложить все усилия к внедрению нового в ЦИТО. Поясню примером: когда сульфаниламидные препараты и антибиотики только начинали свое триумфальное шествие по миру, ЦИТО уже использовал их, спасая конечности от ампутаций при гнойных осложнениях ран, а иногда и сами жизни больных и раненых.

Был внедрен в ЦИТО в 1945 г. внутривенный, а затем и интубационный наркоз. Архаическую марлевую маску, на которую из пузырька капали эфир, и дышали наркотическим веществом почти в равной мере и пациент на операционном столе, и врач «на наркозе», заменили аппараты для наркоза. В ЦИТО появилась новая специальность — анестезиолог.

На зависть академическим институтам, приложив немало к тому усилий, еще в 1947 г. Н.Н. Приоров обеспечил ЦИТО современной для того времени электрофизиологической аппаратурой для записи биопотенциалов головного мозга, сердечной мышцы и мышц конечностей. В результате травматологи-ортопеды и в своей повседневной работе, и в научных трудах, в частности по проблемам

спортивной травмы (З.С. Миронова), оперативного удлинения укороченных конечностей (В.Д. Дедова), хирургического лечения остеохондроза позвоночника и сколиоза (А.И. Казьмин), травм периферических нервов, кисти и пальцев (Н.П. Кожин, И.Г. Гришин), врожденных аномалий (Н.Н. Нефельева), смогли значительно продвинуться вперед в познании сути патологических изменений нервно-мышечного аппарата. В этом они опирались не только на свой собственный клинический опыт, но и на объективные, в количественных параметрах выданные лабораторией результаты исследований.

О научных разработках ЦИТО медицинская общественность узнавала как на научных конференциях в самом ЦИТО, его выездных сессиях, заседаниях научных обществ, так и на съездах хирургов, травматологов. Мы, ученики Николая Николаевича Приорова, выступали с собственными материалами, дополняя или иллюстрируя программный доклад шефа. Публикаций было много — как на страницах профильных журналов, так и в журналах других направлений науки и медицинской практики. Писать стали и книги.

Может возникнуть вопрос (ныне его задают, к сожалению «цитовцев», с Н.Н. Приоровым не работавшие молодые и не очень люди): почему лично Н.Н. Приоров не оставил после себя ни сотен публикаций, ни десятка томов книг и монографий? И почему, тем не менее, так высок был при жизни его авторитет и в стране, и за рубежом? Почему и поныне сохраняется за ним высокое и почетное место в истории отечественной медицины, а созданному и руководимому им в течение 40 лет институту присвоено его имя? И улице, на которой он построил новое здание института, — тоже? И на стене его дома на Новослободской улице установлена памятная доска? (Все это сделано посмертно, в период, когда директором института стал Мстислав Васильевич Волков, по инициативе учеников и многолетних сотрудников Н.Н. Приорова — В.Н. Блохина, М.И. Пановой и др.)

Я еще раз позволю себе высказать по этому поводу свое, личное, мнение. Николай Николаевич Приоров отнюдь не был кабинетным ученым, не замыкался в границах травматологии, создания протезов, только практической работы у операционного стола, т.е. лечебного дела (кстати, хирургом он был широкого профиля, а не только травматологом). Н.Н. Приоров прославил свое имя еще при жизни умением организовать Дело и сплотить вокруг себя коллектив единомышленников и учеников. Работе он отдавал всю свою огромную энергию, и все рабочее и нерабочее время, и первый в жизни отпуск взял за год или два до смерти.

Строил он свое Дело на солидной научной базе, и ученикам и соратникам создавал условия (при их желании) научного роста. Это они имели возможность писать статьи, книги и монографии. А нравственные принципы Николая Николаевича не допускали удлинения своего списка научных трудов

методом постановки собственного имени в качестве соавтора (да еще на первом месте) на печатных работах учеников лишь на том основании, что работа выходит из руководимого им института. (Добавлю в скобках: завидное качество, делающее честь такому директору, которое, увы, постепенно исчезает из жизни.)

Н.Н. Приоров был Врачом и Человеком-гуманистом. Имя его увековечено не количеством изданных книг, а организацией в масштабах всей страны травматологической помощи ее гражданам и солдатам в дни войны.

И еще. Когда условием для сокращения должности заведующего отделением стало отсутствие степени доктора наук, ученики Н.Н. Приорова, не посрамив чести своего учителя, эту степень получили, так как необходимый материал для диссертации у них фактически уже был накоплен. Только мне из-за проблем со здоровьем (в 40 лет я перенесла инфаркт) процедуру защиты пришлось отложить на несколько лет. Я признательна проф. М.В. Волкову, проф. В.А. Дедовой и незабвенному моему другу — рентгенологу ЦИТО проф. М.К. Климовой за то, что они настояли на ее проведении.

Наступило время, когда в стенах бывшего общежития фабрики в Теплом переулке стало невыносимо тесно. Н.Н. Приоров добился разрешения на строительство нового здания для ЦИТО. К сожалению, властные структуры того времени запретили строительство по индивидуальному проекту (эпоха пятилеток) и согласиться пришлось на типовое здание областного родильного (!) дома. В отдельных зданиях Н.Н. Приоров предположил разместить костный банк для трансплантации, ряд подразделений, мастерские и конструкторское бюро.

При ЦИТО работала созданная Н.Н. Приоровым техническая комиссия, на которую любой гражданин страны мог представить свои предложения по усовершенствованию методов лечения путем создания специальных металлических конструкций. Проходил эту комиссию в 1944 г. и аппарат, созданный Г.А. Илизаровым. Аппарат был одобрен комиссией (председателем ее был В.А. Чернавский). Н.Н. Приоров разрешил Илизарову использовать конструкторское бюро для доработки некоторых деталей аппарата. Я помню это потому, что по приказу директора должна была выполнять обязанности секретаря и писала протоколы заседаний этой комиссии. У Н.Н. Приорова находили поддержку и те представители теоретической и экспериментальной науки, кто обращался к нему с просьбой провести клинические испытания разработанных на животных методов лечения.

Н.Н. Приорову было свойственно привлекать молодых сотрудников к разработке и испытанию нового. Молодежь он любил и ценил ее порывы, открывая перед ней перспективы научного роста, предлагая темы для диссертаций по самым актуальным проблемам травматологии, ортопедии, спортивной медицины. Поддерживал он и новаторские пред-

ложения, которыми изобиловало отделение челюстно-лицевой хирургии А.Э. Рауэра.

Сразу же после окончания войны Н.Н. Приоров вновь открыл аспирантуру для подготовки научных кадров. Но на его поддержку могли рассчитывать и те, кто работал над диссертацией самостоятельно, без предварительного утверждения темы и научного руководителя на ученом совете, а тему можно было выбрать по собственному вкусу (знаю это по своему опыту). При необходимости получить консультацию у Н.Н. Приорова по любой научной теме мог каждый.

Коллектив института объединяла не только профессиональная деятельность. Вне стен института, как рассказывали мне его многолетние сотрудники, в 20-х и 30-х годах Н.Н. Приоров «на равных» любил посидеть с ними за общим столом в минуты отдыха или провести время на вечеринке, где отличался веселостью, любовью к шутке, розыгрышам и танцам. Имел успех у своих милых дам и оказывал им знаки внимания. В те годы среди сотрудников образовались счастливые пары, которые сочетались законным браком, причем иногда «сватал» их сам Николай Николаевич.

Во время войны, когда я пришла в ЦИТО, государственные праздники отмечались торжественно, по принятому в стране ритуалу. А вот концерты после заседания отличались нестандартностью. У Н.Н. Приорова было много знакомств в артистическом мире. Его соседками по даче в Снегирях были две «Кармен» из Большого театра (Давыдова и Максакова). Вспоминается концерт Марии Петровны Максаковой. Пела она нам многое из того, что просил исполнить Николай Николаевич или другие слушатели. Это были арии из опер, романсы и русские народные песни. Последние исполнялись необычайно просто, без изысков оперной певицы, но так проникновенно, что в душе моей они звучат до сих пор.

Помню я и тот печальный день 1961 г., когда М.П. Максакова пела в конференц-зале на первом этаже. Стоял в нем гроб, у стен траурные венки. Мимо шли люди, прощались с Николаем Николаевичем Приоровым. В церкви он был отпет заочно (тогда преследовали за отпевание в церкви, тем более коммуниста). Для медицинской общественности гражданская панихида проходила на другой день на Солянке в здании Академии медицинских наук (академиком которой был Н.Н. Приоров). Снова звучал голос Максаковой... Так она прощалась с усопшим: музыкой русского романса...

В последующие несколько лет, в каждый 15-й день апреля, мы, для кого на всю жизнь Н.Н. Приоров остался Учителем, приходили на его могилу на Новодевичьем кладбище. Нас всех объединяла благодарная память о нем как о Человеке с большой буквы. Многим из нас (и мне лично) Николай Николаевич протянул руку помощи на сложных поворотах судьбы, у многих она была ветвистой — непростой.

Я получила его помощь в трагические для моей семьи дни Великой Отечественной войны. Помощь Н.Н. Приорова пришла ко мне и в 1947 г., когда после тяжелого поражения миокарда мне была запрещена временно любимая работа ночью, тем более у операционного стола во время дежурства по «скорой помощи». Я попросила Н.Н. Приорова освободить меня на полгода. Он отказал, приняв другое, очень мудрое решение. Образно можно сказать, что он не дал мне рыбу для пропитания, но на всю оставшуюся жизнь вложил мне в руки удочку для ее лова: он оставил меня в стенах своего института, освободил совсем от работы на месяц, предоставив самой подобрать для себя дело в одной из лабораторий. Я выбрала ту, где иссле-

довали функции нервно-мышечного и двигательного аппарата (по совместительству возглавлял эту лабораторию проф. В.Д. Ефимов).

В ЦИТО из 40 лет я проработала под руководством Н.Н. Приорова первые 20 лет. Это он, мудрый и гуманный человек, мне, дочери «врага народа», сельскому врачу из далекой азиатской республики и рядовому ординатору эвакогоспиталя во время войны, предоставил штатное место в институте. Через 20 лет после кончины Николая Николаевича, по собственному желанию я ушла на заслуженный отдых доктором медицинских наук, профессором. Этим я обязана ему — незабвенному моему Учителю, тому, кто поддержал меня в самом начале пути служения научной медицине.

«Я ПОДУМАЮ...»

(НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Н.Н. ПРИОРОВЕ)

И.М. Мутбрейт

Как сотрудник института я регулярно бывал в здании ЦИТО в Теплом переулке на заседаниях ученого совета или проблемной комиссии. А основным местом работы была клиника детской ортопедии и травматологии ЦИТО, которую в 1956 г. организовал и возглавил В.Д. Чаклин и которая располагалась на базе Московского ортопедического госпиталя. Однако, стоит сесть и прикрыть глаза (а еще ярче — бессонной ночью), и в памяти всплывают давние события и люди, с которыми работал в ЦИТО и которых давно уже нет. Имя Николая Николаевича Приорова я знал уже в 1944 г., а с 1956 по 1961 г. он был моим директором, а я — его подчиненным.

Какие же эпизоды врезались в память? Прежде всего это — первое знакомство. После объявления в газете о конкурсе на должность старшего научного сотрудника в клинику В.Д. Чаплина, собрав необходимые документы, я не без трепета отправился в ЦИТО к директору института. С тех пор прошло уже 54 года, но память сохранила все детали этой встречи. В большом кабинете за большим резным письменным столом сидел известный мне профессор. Многие годы ежемесячно я видел его на заседаниях Общества травматологов-ортопедов Москвы и области либо за председательским столом, либо в первом ряду относительно небольшого конференц-зала ЦИТО в Теплом переулке. Я представился, рассказал, что мне удалось сделать в выбранной специальности за 12 лет, каких «высот» достиг во врачебной, научной и административной областях. Николай Николаевич выслушал, не торопил меня, просмотрел мои бумаги и сказал: «Я подумаю...». А на следующий день секретарь директора Вера Михайловна Егорова сообщила, что мои документы переданы в конкурсную комиссию. И позже, когда (не скрою, не очень часто) приходилось бывать

в кабинете директора или присутствовать на заседаниях ученого совета, эта черта Николая Николаевича — принимать решение только после всестороннего и тщательного обдумывания — была еще заметней. Это был его стиль руководства — институтом, или Госпитальным Советом Минздрава во время Великой Отечественной войны, или в должности замминистра здравоохранения СССР.

Второй чертой Николая Николаевича, о которой я не могу не вспомнить, была его демократичность. В Московском обществе травматологов-ортопедов, созданном Н.Н. Приоровым, он ввел традицию смены председателя Общества через каждые два года. Поскольку на заседания Общества являлись все профессора ортопеды-травматологи Москвы, то за председательским столом периодически можно было видеть С.Д. Терновского, М.О. Фридлянда, Т.С. Зацепина, Г.С. Бома, Т.С. Краснобаева и др. В первом ряду располагались В.Н. Блохин, В.Д. Чаклин, А.М. Ланда, З.Ю. Ролье, Д.К. Языков, К.М. Винчентини и др. В общем в заседаниях Общества регулярно принимал участие весь «цвет» тогдашней ортопедии-травматологии. Я уверен, что такая самодисциплина московской профессуры возникла не случайно, а была следствием незаметной организаторской деятельности Николая Николаевича. И это — еще одна важная его черта.

Кроме того, мне всегда импонировало стремление Н.Н. Приорова выдвинуть вперед подающую надежды молодежь. Ведь после ухода Н.Н. Приорова из жизни в новом построенном здании ЦИТО на улице, ныне носящей его имя, основные должности по руководству отделениями заняли его «дети»: А.И. Казьмин, О.Н. Гудушаури, Н.П. Иванова.

Хотелось бы отметить и еще одно качество Николая Николаевича — преданность людям, которые